

DOI: 10.15372/HSS20210311

УДК 94:338.2(47)“1933”

М.А. ФЕЛЬДМАН

ОСМЫСЛЕНИЕ ПАРТИЙНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭЛИТОЙ СССР ИТОГОВ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ: ПУТЬ К ПРОЗРЕНИЮ НЕ БЫВАЕТ ЛЕГКИМ.

Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы РФ,
РФ, 620144, г. Екатеринбург ул. 8 марта, д. 66.

Статья посвящена осмыслению итогов первой пятилетки в СССР в январе 1933 г. Замысел первого пятилетнего плана был обширен: впервые в мировой истории в рамках государственного плана намечалось пропорциональное и сбалансированное развитие регионального и отраслевого потенциалов; определялся широкий круг социальных программ. Столкновение рационального и утопических курсов реализации заданий пятилетки – одна из самых драматических страниц советской истории – проходило сквозь судьбы людей. Материалы январского (1933) пленума ЦК ВКП (б) показали, что признание пагубности курса «бешеных темпов» пришло к представителям руководства СССР. Но осмысление событий первой пятилетки затруднялось выстроенным мифологическим пространством, включавшим идеологические конструкции типа «создания фундамента социалистической экономики». Для одних – это был путь к прозрению, для других – путь к слепому выполнению приказов. Январь 1933 г. стал развилкой самых различных векторов развития советской истории.

Ключевые слова: пятилетка, план, СССР, промышленность, партия, экономика, пленум, индустриализация, мифология, идеология.

M.A. FELDMAN

UNDERSTANDING THE RESULTS OF THE FIRST FIVE-YEAR PLAN: THE PATH TO INSIGHT IS NOT EASY

Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy
and Public Administration of the Russian Federation,
66, 8th of March Str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

The article is devoted to understanding the results of the First Five-Year Plan in the USSR in January 1933. The idea of the First Five-Year Plan was extensive: for the first time in world history, a proportional and balanced development of regional and sectoral potentials was planned within the framework of the state plan; as well as a wide range of social programs. The clash of rational and utopian courses during implementation of the five-year plan is the most dramatic page of Soviet history, which had a strong impact on the people fates. The materials of the January (1933) Plenum of CPSU(b) Central Committee show that the perniciousness of the “frenzied pace” course was eventually realized by the USSR leadership representatives. However, the comprehension of the First Five-Year Plan events has been complicated by the constructed mythological space, which included ideological constructions such as “creating the socialist economy foundation”. At the same time, Stalin attributed the explanation of the “frenzied pace” practice, all difficulties and hardships fell to the population share during the First Five-Year Plan, as well as reasons to under-fulfill the planned tasks to an external factor: “the refusal of neighboring countries to sign non-aggression pacts with us and complications in the Far East”. The removal of one’s own responsibility for the monstrous mistakes and crimes of the early 1930s; the imposition of responsibility on local cadres and the capitalist environment – such were distinctive signs of Stalin’s style, which had not changed since the spring of 1930, the time of balancing on the verge of a new civil war in the countryside.

Another fundamentally new point was the repeated emphasis on the lack of alternative to the course of the early 1930s. The General Secretary did not make any analytical comparison with the version of the Five-Year Plan adopted in April-May 1929.

Thereby, the January (1933) Joint Plenum of CPSU(b) Central Committee and the Central Control Commission has a special place in a number of party forums according to the significance of conclusions included in textbooks for decades – for example, the thesis about “building the socialist economic foundation”. By the scale of social deception – millions of people dying of hunger dying collectivization; exile and devastation of the most skilled peasants; impoverishment of tens of million people; catastrophe in husbandry; economic chaos in constructing and developing enterprises – were presented as a revolutionary victory of “socialist” relations.

Key word: Five-Year Plan, plan, USSR, industry, party, economy, plenum, industrialization, mythology, ideology.

Михаил Аркадьевич Фельдман – д-р ист. наук, профессор, Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы, e-mail: feldman-mih@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>.

Mikhail. A. Feldman – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy and Public Administration Russia.

ВВЕДЕНИЕ

В советский период истории характеристики итогов первой пятилетки на долгие десятилетия были определены сталинскими формулировками из доклада генсека на январском (1933) Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) (*далее* – Пленум). Статья И.А. Гладкова [1] открывала историю создания и эволюции первого пятилетнего плана, прослеживая этапы становления советского планирования, связанные со съездами работников этой сферы в СССР. К сожалению, данная публикация была выдержана в духе официальных пропагандистских установок. Варианты пятилетнего плана («отправной» и «оптимальный»), подготовленные в августе 1928 г. работниками Госплана, априори были отнесены к оппортунистическим, поскольку «разрабатывались при участии буржуазных экономистов и техников, которые в своих проектировках и экспертизах пытались приуменьшить ресурсы и темпы индустриализации». В силу этого все варианты, отталкивающиеся от «технических возможностей», «страдали органическим пороком – минимализмом». В вину Госплану была поставлена непростительная ошибка: ни в одном варианте Госплана не предусматривалось сокращение доли частного капитала [1, с. 112, 115, 125].

О всестороннем сталинском анализе итогов первой пятилетки писал в 1975 г. В.С. Лельчук – ведущий советский исследователь индустриализации в СССР [2, с.147]. Правда, в издании 1984 г. он отметил, что создание «основ индустриализации» сочеталось с «сужением сферы действия экономических рычагов управления», «низкой культурой труда, слабой производственной дисциплиной» [3, с.171, 173], т.е. с масштабными явлениями, оставшимися вне доклада Сталина на Пленуме.

Переосмысление сталинских догм началось в конце 1980-х гг., однако на подлинно научный уровень вышло уже в постсоветскую эпоху. В книге «История Советского государства.1900–1991 гг.» Н. Верт обращал внимание на методику манипулирования с количественными показателями: подводя итоги первого пятилетнего плана, Сталин оперировал цифрами *первоначального его варианта*, принятого в апреле–мае 1929 г. (т.е. варианта «правых», осужденного за «сознательно заниженные показатели»), а не принятого под его (генсека) давлением варианта 1930 г. [4, с. 200].

Следует заметить, что Сталин только повторил «маневр» Молотова годом ранее: на XVII Всесоюзной партийной конференции выполнение первого пятилетнего плана Молотов связал с его «оптимальным вариантом», утвержденным Пятым съездом Советов в мае 1929 г., т.е. до запуска процесса безудержного увеличения капиталовложений в промышленность, составившего в 1930 г. дополнительные, сверхплано-

вые 57 %, а в 1931г. – 80 % [5, с. 127]. Тем самым глава правительства в кризисной ситуации зимы 1932 г. де-факто снял обвинение с «правых» в замедлении темпов развития экономики, воспринимавших «оптимальный» вариант пятилетнего плана как последний рубеж политического реализма.

Масштаб недовольства народных масс реалиями советской жизни начала 1930-х гг. не мог не отразиться на настроениях части партийных и хозяйственных кадров, порождая определенную внутреннюю невосприимчивость к мифологизмам. Сталинская политика стала вызывать недовольство, прежде всего, директорского корпуса, зажатого в тиски невыполнимых требований, с одной стороны, и пассивного сопротивления своих подчиненных – с другой [4, с. 204].

Следует отдать должное британскому историку Р.У. Дэвису, сумевшему на основе научного изучения широкого пласта первоисточников обратиться к непредвзятому изучению не только итогов социально-экономического развития СССР, но и степени осмысления результатов первой пятилетки представителями советского руководства. Не без иронии, пишет Дэвис, «первый пункт повестки дня пленума ЦК партии, проходившего с 7 по 12 января 1933 года, был **смело** (*выделено мною. – М.Ф.*) озаглавлен “итоги Первой Пятилетки и народно-хозяйственный план на 1933 год – первый год второй пятилетки”» [6, с. 317]. «Смелость», отмеченная Дэвисом, заключалась, видимо, в том, что итоги 1932 г., а с ним и первой пятилетки, подводились уже через неделю после окончания календарного года, тогда как технические возможности тщательного подсчета требовали иных, существенно больших, сроков.

В пользу этого утверждения говорит и тот факт, что все три доклада на пленуме об итогах пятилетки (Сталина, Молотова и Куйбышева, а также речь Орджоникидзе) появились в печати лишь с незначительными изменениями по сравнению с печатным стенографическим отчетом, сохранившимся в архивах [6, с. 317]. Все это позволяет утверждать, что *подготовленные заранее* доклады руководителей СССР только весьма приблизительно были связаны с анализом статистических показателей. Монография Дэвиса позволяет проследить хронологию событий: 3 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП (б), подводя итоги года (!), определило размеры капиталовложений на 1933 г., на основе которых 5 января 1933 г. Совнарком принял **секретный декрет** «О государственном бюджете и экономическом плане на 1933 год» [3, с. 317]. Секретность распределения капиталовложений прочно войдет в практику управления в СССР, определяя, например, не только соотношение объявленных (1450 млн руб.) и реальных (4178 млн руб.) расходов на оборону в 1933 г. [6, с. 319], но и общую закрытость данных о подлинной финансовой политике Советского государства.

Сталинский вывод об «успешном и досрочном завершении пятилетки за четыре года и три месяца» порождал столь мощное *мифологическое пространство*, что члены Политбюро, соратники генерального секретаря ЦК ВКП (б), отвечавшие за реальные секторы экономики и в силу этого более глубоко осознававшие положение дел в экономике, оказывались «скованные одной цепью» идеологических выводов и суждений. Повышенная эмоциональность сталинского выступления затрудняла объективный разбор реализации пятилетнего плана, и «восторженная резолюция Пленума ЦК, как отмечает британский историк [6, с.326], одобрила доклад о первом пятилетнем плане и директивы по плану 1933 г.»

Однако, по обоснованному утверждению О.В. Хлевнюка, «первая пятилетка по всем ключевым параметрам не была выполнена вообще. Провозглашенные цифры – стопроцентный рост индустриальной продукции между 1928 и 1932 гг. – были ложью. Реальные показатели были примерно вдвое меньше» [7, с. 178, 179, 206]. Итоги пятилетки были столь далеки от индикаторов, запланированных по инициативе главы партии, что у Сталина были все основания беспокоиться за свою судьбу в преддверии январского (1933 г.) Пленума. Генсек, фактически промолчавший все одиннадцать заседаний XVI Всесоюзной партийной конференции в феврале 1932 г., не желая вступать в дискуссию о причинах очевидных кризисных явлений в экономике [8, с. 83], никакого сопоставления плановых и достигнутых показателей пятилетки стремился не допустить и в январе 1933 г.

Таким образом, к январю 1933 г., оказавшись если не у «последней черты», то в ожидании критических выступлений на Пленуме, Сталин был готов к корректировке экономического курса, но при соблюдении ряда условий: сохранении и усилении негативных оценок недавних соратников – «правых». Январский (1933 г.) пленум, при кажущейся изученности, содержит ряд неизведанных пластов познания. В какой степени прозрение пагубности прежнего экономического курса пришло к активным участникам Пленума, включая Сталина? Насколько глубоки были перемены в сознании представителей правящей элиты в январе 1933 г.? Какие политические и идеологические векторы отбрасывали назад советских управленцев в период стабилизации советской экономики? Поиску ответа на поставленные вопросы посвящена эта статья.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ИТОГОВ ПЯТИЛЕТКИ НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП (Б) В ЯНВАРЕ 1933 г.

Доклад Сталина, прозвучавший на Пленуме 7 января 1933 г., только 10 января был опубликован в

газете «Правда». Это не было случайностью: для формирования мифологической среды важно было не только ввести в оборот, но и проверить степень воздействия каждого слова. Если в рациональном мире – смысл создает слова, то в мифологическом пространстве слова определяют смысл.

В докладе Сталина можно выделить, по крайней мере, четыре сегмента утверждений.

Первый сегмент касался подведения итогов пятилетки в промышленности. Знаменитый чеканный сталинский рефрен: «у нас не было – теперь есть»¹ оказал завораживающее воздействие на участников Пленума, неоднократно цитировался членами ЦК, стал основой пропагандистских мероприятий. Смысл же реальности был совсем иной: например, авиационная промышленность в дореволюционной России выпустила (данные за 1916 г.) 1287 самолетов и 639 моторов [10, с. 99]. По производству черных металлов и угля Россия немногим уступала Франции. Не выдерживало никакой критики утверждение Сталина о том, что «Россия до 1917 г. по производству нефтяных продуктов и угля стояла на последнем месте» – с учетом того, что на рубеже XIX – XX вв. страна больше всех в мире добывала нефти, уступая только США по производству керосина [11, с. 130].

Уже на XVI съезде ВКП (б) Сталин ввел штамп, ставший нормой – «капитализм нам оставил почти полное отсутствие собственного машиностроения». «Конкретизируя» сталинскую мысль, председатель ВСНХ В.В. Куйбышев заявил: «до войны машиностроительная промышленность, по сравнимым ценам (приведенным к ценам 1926/27 г.) дала приблизительно на 307 млн рублей продукции» [5, с. 859]. Между тем в 1913 г. в машиностроении и металлообработке России стоимость произведенной продукции равнялась 820 млн рублей (в 1928/29 г. – 703 млн)².

Общий вывод этой части сталинского доклада заключался в глобальном утверждении: за годы первой пятилетки удалось «перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой – на рельсы новой, современной техники»³. Однако помимо вышеприведенных тезисов генсек не привел каких-либо доказательств. Заявленные словесные конструкции сами должны были сконструировать нужный смысл перемен.

Второй сегмент доклада был посвящен итогам пятилетки в сфере сельского хозяйства. Главный довод Сталина в защиту обоснованности коллективиза-

¹ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки: Доклад 7 января 1933 г. на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 7–12 января 1933 г. [9, с. 64]

² Динамика российской и советской промышленности. М.; Л.: Госиздат, 1930. Ч. 3: Промышленность 1912, 1913, 1915, 1929, 1925/26 гг. С. 10.

³ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки... С. 62.

ции заключался в увеличении объемов заготовок товарного зерна с «500–600 миллионов пудов товарного хлеба, заготавливавшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, до 1.200–1.400 миллионов пудов ежегодно» после коллективизации⁴.

Практически весь состав участников пленума был «повязан» участием в насильственной коллективизации. Но известна была и цифра потерь животноводства за первые месяцы коллективизации, озвученная в июле 1930 г. С.И. Сырцовым на XVI съезде ВКП (б): «перегибы и ошибки» в ходе коллективизации обернулись только в животноводстве потерями на сумму в 3 млрд. руб.» [5, с. 400–403]. Однако самым тяжелым проявлением коллективизации в ее сталинском варианте стали жертвы голода 1932–1933 г.: погибли 5,6 млн крестьян, в том числе 2,5 млн на Украине [12, с. 294–49, 295].

Нигде, как в этом сегменте доклада, не была так масштабно выставлена мифологическая завеса! Не случайно, понимая всю натянутость своих выводов, 11 января 1933 г. Сталин выступил с еще одним (незапланированным и неуказанным в повестке Пленума) докладом – «О работе в деревне», опубликованном в газете «Правде» 17 января 1933 г.⁵

Признав, что в 1932 г. «хлебозаготовки прошли у нас с большими трудностями, чем в предыдущем году», Сталин дал развернутое объяснение происходящему. Виноватыми оказались работники колхозов и совхозов, не увидавшие «отрицательных сторон» разрешения колхозной торговли. Легализация колхозной торговли означала и легализацию рыночной цены на зерно, а значит, появление выбора у крестьян. Задача сельских коммунистов, по мнению Сталина, заключалась в том, что «с первых же дней уборки, еще в июле месяце 1932 года, они должны были всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки». Как видно, насилие в качестве основного метода коллективизации не уходило в прошлое.

Сталин указал на «засоренность» колхозов «бывшими» – из кулаков, лиц, служивших в белой армии; чиновников, служащих и т.д. Более того, даже само объединение крестьян в колхозы пугало Сталина *потенциальной возможностью* воздействия на жителей деревни нежелательной информацией и агитацией⁶.

Тем самым робкий шаг назад от потрясений коллективизации сопровождался новыми шагами вперед по дороге насилия уже внутри колхозов. Но в память участников Пленума насаждался мифологический тезис о «превращении СССР в страну самого

крупного (читай – передового) сельского хозяйства в мире»⁷.

Третий сегмент касался объяснения практики «бешеных темпов», всех трудностей и тягот, выпавших на долю населения в годы первой пятилетки, а также причин невыполнения плановых заданий. Основные причины Сталин связал с внешним фактором: «отказом соседних стран подписать с нами пакты о ненападении и осложнениях на Дальнем Востоке». Следствие такого отказа стало «переключение ряда заводов в целях усиления обороны на производство современных орудий обороны»⁸.

Снятие собственной ответственности за чудовищные ошибки и преступления начала 1930-х гг., возложение ответственности на местные кадры и капиталистическое окружение – в этом сталинский почерк не менялся с памятной весны 1930 г. – времени балансирования на грани новой гражданской войны в деревне.

Еще одним принципиально новым моментом стало неоднократное подчеркивание безальтернативности курсу начала 1930-х гг.⁹ Никакого аналитического сравнения с вариантом пятилетнего плана, принятого в апреле–мае 1929 г., генсек не сделал: его усилия были обращены на воссоздание картины ужасов, ожидавшей СССР в случае отказа от курса «бешеных темпов»

Четвертый сегмент был посвящен изменению курса экономической политики. Целый комплекс внутренних и внешнеполитических причин (хаос экономических связей, финансовый кризис и рост внешней задолженности) не позволял далее, как выразился Сталин на Пленуме ЦК партии в январе 1933 г., «подхлестывать и подгонять страну». По существу, это был отказ, тихое и официально не признанное отрицание (в ряде пунктов даже осуждение) курса первой пятилетки [7, с. 177.].

В годы второй пятилетки, по мнению Сталина, на первый план выходило *освоение техники* старых или обновленных заводов и фабрик, что требовало повышения квалификации рабочих и инженерно-технического персонала¹⁰. Но примечательна была и оговорка генсека: «особенно в первые два-три года второй пятилетки». Это означало, что на стабилизацию положения в экономике (в том числе за счет отступления от приоритета насильственных мер) отводились 1933–1935 гг.

Специалисты (работники экономических наркоматов, представители директорского корпуса) не успевали 7 января 1933 г. от руководителя партии ни

⁴ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки... С. 69.

⁵ Сталин И.В. О работе в деревне // Правда. 1933. 17 янв.

⁶ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки... С. 79.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Там же. С. 67.

одного слова о хозрасчете – важнейшей проблеме экономики. Пропагандистские клише постоянно напоминали: в речи Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. в специальном разделе «О хозрасчете» говорилось о том, что «благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов»¹¹. Однако свое подлинное отношение к экономическим принципам Сталин выразил в письме Л.М. Кагановичу от 6 августа 1931 г., требуя: «буржуазный подход к вопросу о рентабельности – расклевать». В системе координат «социалистической экономики» хозрасчет имел право на существование в сфере права, но его подлинная жизнь началась за пределами легальной экономики. Не случайно началом 1930-х гг. датируется слияние командной экономики с теневой [13, с. 314].

Не прозвучала и оценка внешних хозяйственных связей СССР, даже с учетом «практически полной зависимости советской индустриализации от зарубежных технологий» [14, 2012, с. 15]: мифологические конструкции складываются не только из слов, но и из фигур умолчания.

Таким образом, анализ доклада Сталина 7 января 1933 г. показывает, что его готовность к переменам носила весьма условный и временный характер. *Прагматизм Сталина в кризисных ситуациях постоянно натывался на им же созданное мифологическое пространство*. Несовпадение двух противоположных курсов (рационально-технократического и волюнтаристского) должно было разрешаться за счет подавления реальных или потенциальных недовольных.

Важным конструктом происходящего было автоматическое превращение сталинских формулировок в положения партийных доктрин. Показательно, что выступающий на следующий день (8 января 1933 г.) глава СНК СССР Молотов свой доклад начал с сакральной фразы: «докладом товарища Сталина исчерпывается(!) вопрос об итогах Первой пятилетки»¹². Для большего подтверждения слов Молотова номер газеты «Правды» за 12 января 1933 г., где была опубликована его речь, сопровождался не обсуждением сталинского доклада, а страницей тщательно подобранных одобрительных выступлений трудящихся под общим заголовком: «Новой волной энтузиазма, инициативы и трудового подъема встретили массы доклад вождя партии тов. Сталина!»

Для изложения короткого выступления 8 января 1933 г. заместителя председателя Госплана Г.И. Ломова, с единственным конкретным фрагментом критики: «ряд шахт, которые мы считаем пущенными, на самом деле дают всего 20–60 % их проектной мощности, и почти ни одна из крупных пущенных шахт в Донбассе и Кузбассе не дает добычи, близкой к проектной мощности» – в газетных номерах «Правды» места не нашлось.

Тем не менее через 12 дней после выступления на Пленуме, своеобразное изложение текста Ломова появилось в газете «Правда», но это уже было преимущественно панегирик развитию топливной промышленности в годы первой пятилетки, с небольшим вкраплением абстрактных замечаний¹³. Однако и согласие на публикацию панегирика не избавило Ломова от сталинского гнева: в 1933 г. Ломов был освобожден от работы в Госплане, в феврале 1934 г. выведен из членов ЦК ВКП (б).

Сам же доклад Молотова «О задачах Первого года второй пятилетки», прозвучавший на Пленуме ЦК 8 января 1933 г., фактически только уточнял отдельные параметры сталинского выступления, воспроизводя даже структуру речи генсека. Относительным отличием выступления Молотова можно считать указания (впрочем, неконкретные) на масштаб брака; на низкую степень загрузки станков; на значительное количество установленного, но не работающего оборудования.

Если общий вывод доклада – узел задач промышленности лежит в плоскости повышения производительности труда, главный упор должен быть сделан не на количественные показатели, а на качество продукции – был в русле поворота экономического курса, согласованного в руководстве ВКП (б) еще в конце 1932 г., то указание на пути достижения поставленных целей копировало язык постановлений ЦК и СНК времен «бешеных темпов». Немного же можно было почерпнуть из молотовского призыва: «надо только развернуть большевистскую борьбу за улучшение организации труда и укрепление дисциплины»!

Фактически доклад Молотова оставил без внимания проблемы материально-бытового положения трудящихся СССР. Между тем реальная заработная плата занятых в промышленности за годы первой пятилетки снизилась от 30 до 50 %. Провал постиг все социальные программы первой пятилетки [6, с. 479].

Немного мог почерпнуть многомиллионный читатель газет «Правда» и «Известия» об итогах первой пятилетки: Пленум, проходивший 7–12 января 1933 г., в указанных главных советских газетах за

¹¹ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки... С. 28–29.

¹² Молотов В.М. О задачах Первого года второй пятилетки // Правда. 1933. 12 янв.

¹³ Ломов Г.И. Итоги выполнения топливной пятилетки // Правда. 1933. 21 янв.

8–12 января был представлен только докладами Сталина и Молотова! Фигура недосказанности превратилась в еще одну составляющую конструкции информационной среды советского общества зимой 1933 г.

Ненапечатанным осталось выступление на Пленуме наркома легкой промышленности И.В. Любимова 10 января 1933 г., только за фразу «в Америке, например, при производстве обуви в 4,5 раза больше, чем у нас, натурального кожевенного подошвенного сырья употребляется всего лишь в полтора раза больше, чем у нас»¹⁴.

Уже после закрытия Пленума, 13 января в газете «Правда» появился доклад Куйбышева «Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства»¹⁵. Оптимистичность выступления включала заявления о создании современного машиностроения; о первом месте в мире по соотношению электростали и стали, о завершении технической реконструкции в нефтяной промышленности. Однако внимательный читатель не мог не обратить внимания на подтекст выступления. *Лишь в одной отрасли* (нефтяной промышленности) за годы первой пятилетки завершилась техническая реконструкция. Сооружение новых заводов-гигантов либо не было завершено, либо только начиналось освоение производственных мощностей. Производство электростали в СССР в несколько раз отставало от США и Германии. Ответ на вопрос: «В какой же степени выполнены задания пятилетнего плана по технической реконструкции в народном хозяйстве?» у руководителя ВСНХ не прозвучал.

Но в принципе в этом уже не было необходимости: 13 января 1933 г. газета «Правда» опубликовала резолюцию Пленума по докладам Сталина, Молотова, Куйбышева, принятую 10 января. В партийную жизнь 1930-х гг. прочно входила традиция партийных форумов без публичного обсуждения и с единогласным одобрением заранее подготовленных резолюций.

Несколько иной была тональность выступления Орджоникидзе на Пленуме, в связи с этим его речь была опубликована в «Правде» только 22 января 1933 г. Фразу Орджоникидзе «Мы немного разучились считать деньги» можно было рассматривать как пример легкой критики экономического курса, если это не было продолжением весьма жестких его замечаний по поводу забвения хозрасчета и хозрасчетных отношений в СССР, прозвучавших на XVII Всесоюзной партийной конференции. Как известно, фраза наркома, произнесенная 30 января 1932 г. – «На протяжении последних лет хозрасчет у нас почти полно-

стью пропал» (!)¹⁶ – означала только одно: представитель высшего советского партийно-государственного руководства, более других внесший вклад в реализацию пятилетнего плана, признал, что многочисленные решения и постановления ЦК и СНК о внедрении хозрасчета не дали никаких результатов. Хозрасчетные отношения, предполагающие определенную самостоятельность производителей, не вписывались в командно-административную систему.

Спустя ровно год после указанного выше выступления, как отмечает Р. Дэвис, получивший доступ к тексту до сих пор не рассекреченной (не опубликованной целиком) стенограммы Пленума, Орджоникидзе говорил о пренебрежении хозяйственников к вопросам стоимости продукции как характерной черте советской индустриализации в годы пятилетки [6, с. 326].

Как видно из публикаций выступлений Ломова и Орджоникидзе, Январский пленум ЦК 1933 г. выводил изощренность сталинской управленческой деятельности на новый уровень: даже уже произнесенное слово подвергалось цензуре, и в печатном виде представало в ином облике. Мифологическое поле «страны социализма» пыталось блокировать реалистическую информацию.

Написанные словно под копирку речи Бухарина, Рыкова, Томского, опубликованные в «Правде» 14–16 января 1933 г., свидетельствовали только об одном: «альтернативного курса не существует». Три недавних члена Политбюро дружно критиковали уже безымянных «правых»; превозносили Сталина. Попытка Бухарина выделить отличия «социалистической» индустриализации от капиталистической могли вызвать улыбку абстрактностью рассуждений о «принципиально иных технологиях», «принципиально иных мощностях» и т.д. Пожалуй, главное в речи Бухарина было совсем другое – допустимость применения «суровой расправы» над оппозицией (группой Смирнова)¹⁷.

Демонстрация Бухариным максимальной преданности «генеральной линии» партии доказывала только одно: путь отступления от собственных принципов не имеет конечных преград на пути превращения политика в марионетку.

Завершило работу пленума выступление Рудзутака. Устами функционера из старой большевистской гвардии, вызвавшего наибольшее неудовольствие Сталина на XVII Всесоюзной партийной конферен-

¹⁴ Выступление И.В. Любимова по докладу И.В. Сталина «Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 г.» [15, с. 109–114].

¹⁵ Куйбышев В.В. Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства // Правда. 1933. 13 янв.

¹⁶ Выступление С.Г. Орджоникидзе по докладу И.В. Сталина «Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 г.» // Правда. 1933. 22 янв.

¹⁷ Выступление Н.И. Бухарина по докладу И.В. Сталина «Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 г.» // Правда. 1933. 14 янв.

ции, генсек провозгласил начало «общепартийной чистки». Ее предназначение было очевидно: пленум на основе сталинского доклада констатировал триумфальное завершение пятилетки. Чистка предназначалась для усомнившихся в незыблемости сталинских выводов и оценок.

СУЩНОСТЬ СОБЫТИЙ НА ЯНВАРСКОМ (1933) ПЛЕНУМЕ ЦК И ЦКК ВКП (б)

Январский (1933) Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) занимает особое место в ряду партийных форумов. По важности выводов, вошедших на десятилетия в учебники: например, тезиса о «построении экономического фундамента социализма». По масштабу социального обмана – гибель миллионов людей от голода в ходе коллективизации; ссылка и разорение наиболее умелых крестьян; обнищание десятков миллионов людей; катастрофа в животноводстве; экономический хаос в строительстве и освоении предприятий – подавались как революционная победа «социалистических» отношений. По степени скрытности – выступления на пленуме либо не были опубликованы, либо были сознательно искажены.

Существует и иная сторона событий января 1933 г. К этому времени Сталин был вынужден признать ошибочность экономического курса 1929–1931 гг., свалив вину за его трагическое осуществление на местных работников; на сопротивление и саботаж классовых врагов; а также на внешнеполитический фактор. Но это признание, запоздавшее и оплаченное огромными материальными потерями и человеческими жертвами, носило временный и непоследовательный характер.

Тем не менее даже по далеко не полной информации – выступлениям Ломова, Любимова и Орджоникидзе – видно, что руководители, отвечавшие за конкретные отрасли экономики, не желали принимать пропагандистские тезисы за реальность.

Если для части руководства СССР стабилизация в экономике объективно означала ограничение рамок мифологического пространства, то для Сталина и его наиболее догматичных сторонников курс «мини-реформ», воплотивший в себе несколько важных черт, отсутствовавших в командно-административной модели (товаро-денежные отношения, система стимулирования заработной платы, «квазирынок» для труда, легализация рыночной торговли), грозил потерей абсолютного господства в партии, в обществе и в государстве. Это объяснялось тем, что даже при сохранении командно-административной системы (с определенными – рыночными и квазирыночными особенностями) нарушалось мифологическое пространство «чистого» социализма; рушилась вся система догматических аргументов о вреде рынка, товарно-денеж-

ных отношений, экономической самостоятельности производителей.

Вопросы о причинах провала политики «индустриального скачка»; о непомерной цене коллективизации; о вынужденном обращении Сталина к варианту пятилетнего плана, одобренного Пятым съездом Советов СССР в мае 1929 г. (по докладу председателя СНК А.И. Рыкова – варианта «правых») – остались без ответа на Пленуме. Корабль первого пятилетнего плана – детище ведущих советских ученых, получив множество пробов и разрушений, остался на плаву, доказывая: дискриминация людей не отменяет научные законы.

Однако никакая массивная пропаганда «триумфа» первой пятилетки не могла вытравить в сознании хозяйственников и региональных лидеров ощущения несоответствия реальности и мифологии. Для участников Январского пленума ЦК, отвечавших за конкретные региональные или хозяйственные проекты, было очевидно, что переход к умеренному курсу является косвенным признанием провала политики «большого скачка». Но большинство членов ЦК и ЦКК понимали это только как тактическую неудачу правящей партии.

В то же время появление оппозиционных групп среди партийных работников говорило о растущем недовольстве Сталиным на посту генсека в управленческом эшелоне [16, с. 257–261]. Ответом Сталина стал политический маневр – согласившись на временную стабилизацию в экономике, генсек одновременно запустил противовес – общепартийную «чистку». Мифологическое пространство только в сочетании с насильственными административными рычагами могло наполнять политические конструкты формирующегося в начале 1930-х гг. тоталитарного государства.

Масштаб противоречий в управленческом корпусе СССР развивался в начале 1930-х гг. по нарастающей линии: «выбросы» разночтений подходов к индустриальному проекту наглядно проявились и на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в 1931 г., и на XVII конференции ВКП (б) в 1932 г. Не стал исключением и Январский (1933) Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б).

Широкомасштабное использование «чисток», направленных на обеспечение поддержки необходимого уровня легитимности власти среди основных групп населения, понижение в должности за малейшую критику; заполнение информационного пространства мифологизмами не остановило роста недовольства Сталиным со стороны тех, кто вынес за пределы перегрузки первой пятилетки. Ответ управленческого корпуса на XVII съезде ВКП (б) в феврале 1934 г.

наглядно проявился в голосовании 9 февраля при выборе кандидатов в состав ЦК. Число делегатов съезда, проголосовавших против Сталина, варьируется историками в диапазоне от 123 до 300. Но достоверный факт – уничтожение 166 бюллетеней [15, с. 320] – позволяет констатировать: определенная часть активных участников индустриального проекта не желала мириться со сталинскими мифологиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, материалы Январского (1933) пленума ЦК ВКП (б) показывают: признание пагубности курса «бешеных темпов» пришло к представителям руководства СССР. Но осмысление событий первой пятилетки затруднялось выстроенным мифологическим пространством, включавшим идеологические конструкции типа «создания фундамента социалистической экономики» и «выполнения заданий первой пятилетки за 4 года и три месяца»; жестокими наказаниями за высказывание малейших критических замечаний.

Тем не менее представители советского управленческого эшелона, зная подлинную картину на местах, не желали принимать на себя всю полноту ответственности за хаос в экономике и многомиллионные человеческие жертвы в начале 1930-х гг. Экономическую науку оказалось возможным загнать в тиски пропагандистских клише, однако при малейшей возможности, используя даже локальные статистические сведения, ученые объективно разрушали сказочную картину «бескризисного» развития Советского государства.

Жизнь доказала правоту авторов (августовского 1928 г.) варианта пятилетнего плана Госплана. Сарказм истории заключался в том, что фактическое признание этого неоспоримого факта позвучало из уст Сталина и Молотова – главных хулителей вариантов команды Кржижановского и Рыкова. Как известно, в феврале 1932 г., выступая на XVII Всесоюзной партийной конференции, выполнение первого пятилетнего плана Молотов связал с его «оптимальным вариантом», утвержденным Пятым съездом Советов в мае 1929 г., т.е. до запуска безудержного увеличения капиталовложений в промышленность. Спустя почти год, на Январском (1933 г.) пленуме ЦК ВКП (б), Сталин также оперировал цифрами варианта пятилетнего плана, принятого в апреле–мае 1929 г. Январский (1933) пленум ЦК ВКП (б) стал развилкой двух дорог: одна вела к усилению рациональных методов управления в экономике – второй пятилетний план стал наиболее заметным проявлением этой тенденции. Другая дорога была связана с превращением общепартийных чисток в перманентный процесс, и репрессии 1937–1938 гг. стали кульминацией этого пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гладков И. А.* К истории первого пятилетнего народно-хозяйственного плана // *Плановое хозяйство*. 1935. № 4. С. 106–142.
2. *Лельчук В.С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
3. *Лельчук В.С.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.
4. *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
5. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930. М.: Партиздат, 1935. Т. 1. 719 с.
6. *Davies R. W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy. 1931–1933. Basingstoke and London: Macmillan Press, 1996. 612 с.
7. *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 480 с.
8. *Фельдман М. А.* Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б)) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2020. Т. 27, № 1. С. 78–84.
9. *Сталин И.В.* Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. 423 с.
10. *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006. 320 с.
11. *Дьяконова И.А.* Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН, 1999. 293 с.
12. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.
13. *Мерль Ш.* Советская экономика: современные оценки // *Экономическая история (ежегодник)*. М., 2017. С.303–349.
14. *Шпотов Б.М.* Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М.: Либерком, 2013. 320 с.
15. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. М: Ин-т российской истории РАН, 1999. Ч. II. 302 с.
16. *Такер Р.* Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941. М.: Центрполиграф, 2013. 800 с.

REFERENCES

1. *Gladkov I.A.* On the history of the First Five-Year national economic plan. *Planovoe khozyaistvo*, 1935, no. 4, pp. 106–142. (In Russ.)
2. *Lelechuk V.S.* Socialist industrialization of the USSR and its coverage in Soviet historiography. Moscow, Nauka, 1975, 312 p. (In Russ.)
3. *Lelechuk V.S.* Industrialization of the USSR: history, experience, problems. Moscow, Politizdat, 304 p. (In Russ.)
4. *Vert N.* History of the Soviet state. 1900–1991. Moscow, Progress Academy, 1992, 480 p. (In Russ.)
5. XVI Congress of the all-Union Communist Party (b). June 26 – July 13, 1930. Moscow, Partizdat, 1935, vol. 1, 719 p. (In Russ.)
6. *Davies R.W.* Crisis and progress in the Soviet economy, 1931–1933. Basingstoke, London, MacMillan Press, 1996, 612 p.
7. *Khlevnyuk O.V.* Owner. Stalin and the approval of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 2010, 480 p. (In Russ.)
8. *Feldman M.A.* A difficult attempt to comprehend (a new look at the events of the XVII Conference of the all-Union Communist Party (b)). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2020, vol. 27, no. 1, pp 78–84. (In Russ.)
9. *Stalin I.V.* The complete collection of works. Vol. 13. Moscow, Gospolitizdat, 1951, 423 p. (In Russ.)
10. *Mukhin M.Yu.* The aviation industry of the USSR in 1921–1941. Moscow, Nauka, 2006, 320p. (In Russ.)

11. *Diakonova I.A.* Oil and coal in the energy sector of Tsarist Russia in international comparison. Moscow, ROSSPEN, 1999, 293 p. (In Russ.)

12. *Yesikov S.A.* Russian village during the NEP: on the question of alternatives to Stalinist collectivization (based on materials of the Central Chernozem region). Moscow, ROSSPEN, 2010, 246 p. (In Russ.)

13. *Merl' Sh.* Soviet economy: modern estimates. *Ekonomicheskaya istoriya (ezhegodnik)*. Moscow, 2017, pp. 303–349. (In Russ.)

14. *Shpotov B.M.* American business and the Soviet Union in the 1920s–1930s: mazes of economic cooperation. Moscow, Liberkom, 2013, 320 p. (In Russ.)

15. *Khramov S.S. (ed.)*. Industrialization of the Soviet Union. New documents. New facts. New approaches. Pt. 2. Moscow, 1999, 302 p. (In Russ.)

16. *Tucker R.* Stalin is a dictator. In power. 1928–1941. Moscow, Tsentrpoligraf, 2013, 800 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.12.2020

Дата рецензирования 31.01.2021

Статья принята к публикации 07.06.2021